Olga Mihajlivna Ciganok

О рукописном сборнике фунеральных стихов 1750 г.

Religious and Sacred Poetry : An International Quarterly of Religion, Culture and Education 2/1, 119-133

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

Religious and Sacred Poetry:
An International Quarterly
of Religion, Culture and Education
No. 1 (5) January-February-March 2014
ISSN: 2299–9922; e-ISSN 2391-9418
pages 119 - 133

OL'GA MIHAJLÌVNA CIGANOK
[(ОЛЬГА МИХАЙЛІВНА ЦИГАНОК),
OL'GA MIHAJLOVNA CIGANOK,
(ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ЦИГАНОК),
OLGA TSYGANOK] (Ukraina)
E-mail: olgzyg[at]ukr.net

О рукописном сборнике фунеральных стихов 1750 г.

Вместе с поэтикой Черниговской коллегии 1749–1750 учебного года[1] до наших дней сохранился сборник фунеральных произведений, приуроченный смерти епископа Черниговского и Новгород-Северского Амвросия Дубневича[2].

Как указывает Мирослава Андрущенко, впервые этот сборник описан как экспонат выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» (1915), который, однако, не выставлялся для широкой общественности. Составителем был ошибочно указан Алексей Павловский (автор последнего стиха)[3]. Исследовательница считает произведения в сборнике однотипными (в стихотворной форме перечисляются события из жизни Амвросия Дубневича), отмечает, что стихи написаны по всем правилам составления эпитафий. Мирослава Андрущенко также указывает, что все произведения – акростихи и достаточно объемные, из общей массы выделяется «Надгробие» Петра Минича, где есть большое философское размышление о бренности человека, о суетности мира и необходимости праведной жизни. Литературовед охарактеризовала тексты в приложении как собрание поэтических упражнений на заданную тему – эпитафии Амвросию Дубневичу, обратила внимание на важность сборника как факта наличия устойчивой поэтической традиции в

---

[1] *Черниговская поэтика 1749–1750 уч. года* (название условное, так как нет титульного листа). Рукопись хранится в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского, Институт рукописи, фонд 1, № 6528, ff. 360.

[2] Ibidem, л. 311–355.

[3] Жданович Я. *Отдел «Малороссия» на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время»*, [в:] *Труды Черниговской Губернской архивной комиссии,* Чернигов. (См.: Андрущенко Мирослава, *Парнас віршотворний: Києво-Могилянська академія та український літературний процес XVIII ст.*, Київ 1999, с. 143).

Чернигове в середине XVIII в., указала на необходимость публикации рукописи для основательного анализа[4].

Целью настоящей статьи является дальнейшее изучение указанного поэтического сборника в связи с теорией и практикой эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г. и на фоне украинской теоретико-литературной мысли эпохи. На основании эпитафий–образцов жанра из основного текста поэтики и приложенных к ней стихов слушателей курса можно сделать некоторые наблюдения, как соотносились украинские школьные теория и практика стихосложения в середине XVIII в. Интерес к сборнику вызван тем, что эти тексты не имеют аналогов в украинских поэтиках и риториках.

I. Об авторах

Скорее всего, смерть Амвросия Дубневича вызвала у слушателей курса поэтики Черниговской коллегии обоснованное беспокойство в продолжении учебы, в завтрашнем дне. Можно предположить, что записанные разным почерком фунеральные произведения (17 текстов на славянском языке, два стихотворения – на польском языке) создавались как по указанию преподавателя в учебных целях, так и по зову сердца.

Мы знаем не только имена многих из этих молодых поэтов, но и то, как они учились. В рукописи после основного текста поэтики встречаем перечень слушателей курса (31 человек) с заметками об их способностях и успеваемости. Здесь мы видим имена авторов фунеральных произведений, посвященных Амвросию Дубневичу: «Alexius Paułowski – mediocris ingenii studuit ut potuit» [Алексей Павловский, способности средние, учился, как мог], «Basylius Lenicki – boni ingenii studuit bene» [Василий Леницкий, хорошие способности, учился хорошо], «Petrus Laszkiewycz – pulchri ingenii, bene studuit» [Петр Лашкевич, прекрасные способности, учился хорошо], «Petrus Miniec – pulchri ingenii pulchre et studuit» [Петр Минец, прекрасные способности и учился прекрасно], «Stephanus Filewycz – boni ingenii optime studuit» [Степан Филевич, хорошие способности, учился наилучшим образом], «Theodorus Laszkiewycz – pulchri ingenii, optime studuit» [Федор Лашкевич, прекрасные способности, учился наилучшим образом][5]. Как видим, стихи писали в основном лучшие студенты.

Проанализировав почерк, можно предположить, что в сборнике находятся произведения десяти авторов. Лашкевичи (вероятно, братья) писали вместе. Часть стихов подписанные, часть – анонимные, однако

---

[4] Андрущенко Мирослава, *Парнас віршотворний: Києво-Могилянська академія та український літературний процес XVIII ст.*, Київ 1999, с. 143.

[5] *Черниговская поэтика*, л. 184–184v.

записанные разными лицами. Авторские тексты, несомненно, работы студентов, а вот анонимные, возможно, Серапиона Валуцкого как автора поэтики или других преподавателей-монахов. Среди авторов мог быть префект Черниговской коллегии Сильвестр Новопольський, риторическую эпитафию которого с использованием прозопопеи приводит в качестве примера автор поэтики[6]. Каждый из поэтов-черниговцев писал сначала эпитафию (длиннее, чем традиционная, и более риторического характера) и вслед за ней – панегирик-эпицедий. Дополнительно один анонимный автор поместил в сборнике описание похорон (три первые произведения написаны одним почерком), а Василий Леницкий – «COMPENDIUM laboris carmina domino domino Ambrosio Dubniewycz mortuo [...] quadrata seu retrograda sclavonica» [Краткое изложение труда, квадратные, или ретроградные славянские стихи архиерею, умершему архиерею Амвросию Дубневичу][7]. Перу студента Алексея Павловского принадлежит только эпитафия, далее рукопись черниговской поэтики обрывается.

II. Студенческие эпитафии и эпицедии

Девятнадцать школьных стихов показывают как отличительные, так и общие черты. Тексты различаются объемом (от 5 до 182 строк), формальными признаками (четыре разновидности акростихов, наличие или отсутствие хроностихов etc.), степенью риторичности и поэтичности. В эпитафиях доминирует биографизм (в стиле церковной литературы подается жизнеописание покойного), в эпицедиях – панегиризм (основное внимание обращается на прославление добродетелей умершего). Границы не всегда четкие: например в первом произведении сборника больше говорится о жизненном пути умершего, а в названии читаем «СТИХИ похвалы ...»[8]. Видим разные подходы к освещению похоронной темы, разные названия. Создатели эпицедиев ставят перед собой задачу – «показать образ» Амвросия Дубневича, поэтому изложение материала идет в виде «ordo naturalis» [естественным образом] – описывается жизнь умершего, начиная с происхождения от «пречестних родителей ...» до смерти в Глухове при избрании гетмана.

Основные вехи жизненного пути героя – обучение в Киевской академии, рукоположение в монахи, преподавательская деятельность и получение высоких церковных чинов, работа над собранием устава литовского и магдебургского права, переезд в Троице-Сергиеву Лавру. Будучи епископом, Амвросий Дубневич ввел в программу Черниговской коллегии философию

---

[6] *Ibidem*, л. 149–150.
[7] *Ibidem*, л. 354.
[8] *Ibidem*, л. 311.

и немецкий язык, а также пополнил библиотеку учебного заведения (по тем временам – особо щедрый дар). Сочинения на славянском языке написаны в одном «житийном» ключе, иногда перефразируют друг друга.

Во многих фунеральных произведениях сборника мы встречаем акростихи. Как известно, в византийской гимнографии в форме акростиха писались тропари и ирмосы канонов таким образом, чтобы при чтении сверху вниз из начальных букв составлялась фраза, выражающая идею празднуемого события. Автор киевской барокковой поэтики «Сад поэтический» (1736) указывает на еще одно название акростиха – кефалономастический стих и относит его к «захватывающей и курьезной поэзии»[9]. Преподаватель курса поэтики Черниговской коллегии 1749-1750 уч. г. относил эпитафию к курьезной поэзии как поэтической художественной игре. Зашифрованный текст[10] в сборнике образовывали прочитанные сверху вниз первые буквы каждой нечетной строки, то есть через строку, или начальные буквы каждой строки. В произведении Василия Леницкого младшего «EPITAPHIUM Episcopo czernihowiensi et nowogrodensi Ambrosio Dubniewycz 1750 Martii 15 scriptum» [ЭПИТАФИЯ епископу Черниговскому и Новгородскому Амвросию Дубневичу, написанная 15 марта 1750][11] видим еще один вариант акростиха – первые буквы нечетных и написанных с отступом четных строк, прочитанные сверху вниз, образуют различные высказывания об Амвросие Дубневиче. В эпитафии, авторами которой были Петр и Федор Лашкевичи, первые буквы каждой строки образуют акростих, ключ которого – молитва не только за упокой души покойного, но и за увековечение его памяти[12]. Произведение написано в стиле поэтической эпитафии-эпицедия: здесь и уподобление поэта с античным Фаэтоном (строки 5-7), и развернутый топос самоунижения древнего автора (строки 1-12), и «invocatio» – молитва к Богу, в которой Лашкевичи просят вдохновения, чтобы прославить умершего епископа (строки 13-18), и сравнение Амвросия Дубневича с апостолом Павлом (строка 29), и лирические вставки. Во второй части (строки 83-162) излагаются основные вехи жизненного пути епископа с хроностихамы, в которых зашифрованы даты. В черниговской поэтике 1749-1750 уч. г. утверждается, что эпитафия бывает двух видов: риторическая, или историческая, и поэтическая[13]. Складывается впечатление, что Лашкевичи задумали свое произведение (или получили задание от преподавателя составить его) как комбинированное : половина текста написана в

---

[9] Довгалевський М., *Поетика («Сад поетичний»)*, Київ 1973, с. 272.

[10] Например: «АМВРОСІЮ, ДУБНЕВИЧУ, ЕПИСКОПУ, ЧЕРНІГОВСКОМУ, НОВАГОРОДКА, СІВЕРСКАГО, подаждь , ГОСПОДИ, ВИЧНУЮ, память».

[11] *Черниговская поэтика*, л. 350–353.

[12] Ibidem, л. 325–328 v.

[13] Ibidem, л. 148–150.

одном стиле, половина – в другом.

Отметим, что в студенческих фунеральных стихотворениях на определение эпитафий помимо классического латинского названия применяются дефиниции «надгробие», «надгробок», «надгробное», «стихи надгробные». Такие варианты названия эпитафии в украинских поэтиках XVII–XVIII веков мы не встречали (только традиционное «epitaphium»).

В произведениях черниговского сборника не наблюдается тяготения к лаконичности как одного из основных признаков классической эпитафии-надписи. Тем не менее, кое-где сохраняются характерные для жанра начало (информация, кто погребен, обращение к путнику) и концовка (просьба молиться за покойного). Исчезает, трансформируется форма эпиграммы, по поэтической технике эпитафия приближается к эпицедию. Эпитафии сборника, как правило, меньше по размеру (от 32 до 76 строк), эпицедии больше (от 68 до 182 строк). У Василия Леницкого эпитафия состоит из 70 строк, эпицедий-панегирик составлен из 68 строк[14]. Объединяет тексты не только общая тематика и обстоятельства создания, но и четкое доминирование славянского языка.

1. Аллегорический эпицедий Петра Минеца

Произведение Петра Минеца «CARMINA ILLUSTRISSIMO AC REVERENDISSIMO DOMINO, DOMINO CLEMENTISSIMO AC PROTECTORI NOSTRO DESIDERATISSIMO AMBROZIO DUBNIEWICZ de adventu Hluchovia Chernihoviam in lamentatione EXPOSITA» [СТИХИ самому замечательному и очень уважаемому архирею, архирею самому ласкавому и защитнику нашему самому желанному Амвросию Дубневичу по прибытию из Глухова в Чернигов в рыданиях обнародованные][15] написано одиннадцатисложником (80 строк) на польском языке. В первой, исторической части (строки 1–16) повествуется о смерти епископа, как его везли в Чернигов и как там встречали :

«Ktorego rano Studęci w Zebraniu
Y z monasterża Monachy w streczaniu
Gdzież SWĘTY BOŻE nad nim wyśpiewali
Prowadząć jegoż w serdcu opłakali» (строки 13-16)[16].

Следующая часть (строки 17–80) – аллегорическая, плач садовника над своим потерянным трудом. Рефреном (строки 19, 55, 67 и др.) повторяет-

[14] Ibidem, л. 350–357.
[15] Ibidem, л. 346–349.
[16] Здесь и в дальнейшем в текстах на польском языке сохраняется правописание оригинала.

ся обращение к саду, огороду, грядкам: «... O moy miły sadzie» [О мой дорогой сад] и т.д. О том, что эпицедий очень хорошо писать путем аллегории, читаем в киевской риторике «Janua...» [Дверь...] (1677)[17]. Что касается образцов этой жанровой разновидности, то в сохранившихся украинских поэтиках XVII–XVIII вв. мы не встречали примера аллегорического эпицедия. И вот он – среди фунеральных стихов черниговских студентов.

2. Descriptio funĕris [Описание похорон]

Особое внимание в сборнике привлекает «OPISANIE CEREMONII podczas wnisienia w Cerkiew katedralne Ciała Jasnie W Bogu Przeoswiąconego Ambrosiusza Dubniewicza Biskupa Czernihowskiego y Novogrodka Siewierskiego OKAZANEY W roku 1750, Marca, 5 dzien» [ОПИСАНИЕ ЦЕРЕМОНИИ во время внесения в кафедральный собор тела Ясно в Боге Преосвященного Амвросия Дубневича, епископа Черниговского и Новгород-Северского, проведенной в 1750 году, в пятый день марта]. Приводим полный текст произведения:

[17] Janua oratoriae facultatis neoathletis in literaria acie certantibus..., f. 219.

A ch krasnomowcy z wysokiego Nieba
dla opisania tey rzeczy potrzeb A
M izerny iednak ia ktoren tam krokem
szedłem na wszystko patrząc swoim oke M
B iore odwagę, aby wielkich osob
Mąża, obrządek opisac w ten sposo B
R adę wczyniwszy Bobrowicki na dwor
Ciało Pasterża przywieziąną w polo R
O d Bobrowicy ż w poniedziałek rano
gdy iak należy obrząd iuz przybran O
S ławnie na szesciu koniach erat Ductus
a przytym graves w ludziech wzniecił fluctu S
I echali naprzod Kozaci armati
potym studenci szedli ordinat I
U czciwie piosnki serca swego w smutku
spiewaiąc przy tym funebralnym skutk U
S zedł potym ingens sacerdotum coetus
Amaros z oczu wylewaiąc fletu S
D aley Iezecki Archymandryta rząd
Kączył Bylinski a w slad jego odtą D
U czciwie niosli iuż przy samym boku
Truny kleynoty rożne na widok U
B yli zas wszyscy iak na morzu korab
(ah) utraciwszy swoy do portru powa B
N aybardziey za noc recly mieli ten Dzien
Krewni patrona, widząc znikł iak cie N
I ego nazwyskem Maliszewsci Dzieci
Tak tez Moszezanski Nikolaus trzec I
E hew wolali posladuiąc trunie,
Wzrokem podobni ekliptyczney luni E
W same z iuż cerkiew niosl się od kapłanow
Kupie ydących pospolstwa y pano W
I ak też organy wybornieyszey ręki
Dzwony dosc wszędzie wydawały dzwęk I
C o gdy ze wszystkim przyszedło na koniec
Gdy iuż na własny wzniesiąną na thronie C
Z kaplanow ieden kaznodzieia oraz
Zasług pasterza chwalił godnie obra Z [18]

В этом тексте взаимодействуют различные виды искусства – имеем дело с классическим случаем интермедиальности. При описании торже-

[18] *Черниговская поэтика*, л. 318–318v.

ственной похоронной процессии большое место занимают визуальные элементы (автор все видел собственным глазом, тело епископа блестит, убрано, как велит обряд, ученики несут рядом с гробом различные клейноды для всеобщего обозрения). Эффект картины усиливают развернутые сравнения: все были похожи на корабль в море, который, пока прибыл в порт, потерял всю свою привлекательность; родственники патрона говорили, что этот день для них стал ночью, епископ исчез, как тень.

Небесный оратор, которому бы следовало описать церемонию, органично вводит нас в мир визуальных элементов, зрительных образов. Визуальность усиливается также тем, что имеем дело с нетипичным стихотворением-ключом: первые буквы нечетных строк оригинала и последние буквы четных строк, считываемые сверху вниз, раскодируют "AMBROSIUS DUBNIEWICZ" (акро- и телестих, который еще называют двойным акростихом). Художественный эффект усиливает форма записи: особое, поперечное написание букв акростиха. Кое-где автору не удавалось согласовать требования акростиха и силлабического польского стиха. На помощь приходят латинские выражения "erat Ductus", "fluctuS", "armati", "ordinatI", "ingens sacerdotum coetus", "Amaros ... fletuS ". Их наличие в тексте можно объяснить сакральной функцией, стремлением с помощью латыни как языка элиты еще больше поднять предмет описания. Не стоит забывать о характерном для Украины начала XVIII в. употреблении макаронического языка. Однако объяснение потребностями версификации считаем самым убедительным. Автору было важно подобрать польские лексемы с нужной последней буквой, не случайно латинские вкрапления относятся в основном к концовкам строк. В завершении описания церемонии встречается лексема «obraZ» – логический финал, последний штрих. Проповедник достойно прославлял заслуги пастыря, изображая яркую картину, рисуя икону.

Если учесть, что характерными особенностями прозаической художественной речи были ритм и интонация в рамках периода[19], то упоминание о похоронной речи-проповеди также, возможно, производило музыкальный эффект, соответственно настраивая слушателя. Важное место при описании церемонии похорон Амвросия Дубневича занимают другие интермедиальные ассоциации – музыкальные образы (опечаленные ученики поют грустные песни, дети за гробом выкрикивают имя умершего епископа в вперемешку со скорбными воплями, повсюду звонят колокола). Наличие в тексте междометий – одна из форм призыва умершего, создания вида его присутствии.

Впечатление непрерывности процессии усиливают в стихотворении

---

[19] Маслюк В.П., *Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. і їх роль у розвитку теорії літератури на Україні*, Київ 1983, с. 113.

анжамбеманы – несовпадение синтаксических пауз с ритмическими, концом стиха (... krokem / Szedłem ...; ... wielkich osob / Mąża ...; ... rząd / Kączył ... и т.д.). Как указывает М.Л.Гаспаров, многочисленные анжамбеманы создают прозаическую интонацию, которая почти нивелирует стихотворный ритм, что является значительным выразительным средством, например, в драматическом стихе[20].

Возможно, отсутствие знаков препинания не случайно, а выполняет подобную функцию достижения эффекта непрерывности процессии, констатирует ее слаженный характер. Словесная музыка имитирует, воспроизводит вербальными средствами движение. Торжественность церемонии не позволяет актуализировать антимузыкальные концепты ("смерть", "тишина", "покой", "сон" и т.д.). И то, что имеем дело с акро- телестихом, также не случайно – визуальный (формальный) и музыкальный характер такого рода стихов усиливают ощущение синтеза различных видов искусств, создают впечатление, что в этой поэзии переплелись музыка и живопись.

Создание польскоязычных произведений, посвященных православному иерарху, доказывает рудиментарное функционирование еще в середине XVIII в. на Левобережной Украине (в Чернигове) польского языка как литературного. Считаем, было бы интересно исследовать эту местную разновидность польского языка. Обратим внимание, что фамилии в перечне слушателей курса поэтики записаны на польском языке, в то время как имена – по-латыни.

III. О связи между теорией и практикой составления эпитафий-эпицедиев

Рассмотрение эпитафий в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г. среди «тщательно обработанных», «формальных» текстов объясняет богатство их формы, жанровых разновидностей при достаточно прогнозируемом содержании. Отнесение эпитафии к курьезной поэзии – художественной игре объясняет использование хроностихов как «жанра в жанре» и повышенное внимание к форме. Дефиниция эпитафии в поэтике указывает на ее тесную связь, частично – даже отождествление с эпицедием и похоронным стихом[21].

Каждый из примеров эпитафий в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г. демонстрирует особенности создания отдельного вида или «подвида» украинской барокковой эпитафии. Складывается впечатление, что Серапион Валуцкий решил продолжить реализацию своего начатого в поэтике творче-

---

[20] Гаспаров М.Л., *Очерк истории европейского стиха,* Москва 1989, passim.
[21] *Черниговская поэтика*, л. 141.

ского замысла фунеральными стихами в сборнике-приложении. Напомним, что первые произведения сборника – эпитафии-эпицедии в виде различных форм акростихов (таких образцов в самой поэтике нет). Описание похорон хоть и с натяжкой, но тоже можно считать разновидностью эпитафии, если рассматривать ее как похоронный стих. Эпитафия-квадратный стих – новинка, как и «комбинированная» эпитафия. Таким образом, значительная часть фунеральных стихотворений в приложении детализируют и дополняют теорию эпитафии в основном курсе. Возможно, слушатели поэтики Черниговской коллегии выполняли ту же миссию, что и их преподаватель : показать силу своей скорби по Амвросию Дубневичу через разнообразие творческих решений эпитафии-эпицедия.

Обратим внимание на следующее. Панегирики-эпицедии черниговских студентов преимущественно отличаются эпическим и риторическим характером. Преподаватель поэтики приводил в качестве примеров не только эпицедий эпического характера, но и лирические фунеральные произведения, не только разные виды риторических эпитафий, но и поэтические (с консептом)[22]. Студенты же избрали (или им предписал преподаватель) форму эпического эпицедия, основная черта которого - риторичность. Возможно, это объясняется различным отношением Серапиона Валуцкого и слушателей его курса к Амвросию Дубневичу. Умерший епископ для автора черниговской поэтики и высокий церковный иерарх, и единомышленник. Между благодетелем и студентами дистанция куда больше. Складывается впечатление, что согласно принципу «decorum» [пристойности] полагалось им писать только эпицедии эпического характера. Поэтические моменты фрагментарны, вероятно, опять-таки из-за высокого статуса Амвросия Дубневича. С понятных причин, как и в поэтике, в приложении к ней отсутствуют шутливые эпитафии умершему епископу. Нет также цикла эпитафий, эпитафии-христианского стиха и эпитафий-элогий. У студентов и преподавателя была одинаковая задача, но разные возможности. Отсутствие элогиев можно объяснить также тем, что их написание требовало от автора значительного мастерства. На это обстоятельство неоднократно указывали авторы украинских поэтик и риторик. По-видимому, такой высокой поэтической техникой студенты еще не обладали (не исключено, что их работы и так подверглись правке со стороны преподавателя).

Таким образом, теория эпитафии в черниговской поэтике 1749–1750 уч. г. и приуроченные смерти Амвросия Дубневича школьные фунеральные стихи составляют единую целостность и способствуют лучшему пониманию друг друга.

---

[22] Ibidem, л. 150.

Ключевые слова

эпитафия, описание похорон, фунеральные стихи, XVIII век.

The English Title:

On a Manuscript Collection of Funeral Poetry of 1750

Abstract / Summary

The paper is devoted to students' handwritten poems which are attached to the Chernihiv poetics of 1749–1750. These works were written on the occasion of the Bishop of Chernihiv and Novhorod-Siverskyi Ambrose Dubnevych's passing. Texts are unique, there are no similar in the Ukrainian poetics and rhetorics. Based on the handwriting analysis, it can be concluded that there are poems of ten authors in the collection. Each of the Chernihiv poets wrote first epitaph (longer than the traditional, and more rhetorical) and after it – a panegyric-epicedium. Additionally one anonymous author composed a description of the funeral (first three works are written in the same handwriting), and one student else added so called 'a square verse' (*versus quadratus*).

Nineteen school poems show different and common features. Texts differ in volume (from 5 to 182 lines), in form (4 varieties of the acrostic, the presence or absence of chronostics, etc.), in degree of the rhetoric and poetry. Features of an epitaph's style and the epicedium's one are not always clear, but biography of the deceased is given mostly in epitaph, the main attention to praising merits of the hero is drawn in epicedium. The epicedium's creators mainly set the task – "show image" of Ambrose Dubnevych, so they present the material in form of «ordo naturalis», describing the life of the deceased from the origin from the "most honorable parents ..." until his death in Glukhov during the hetman's election. Key milestones of the hero's life path are education at the Kiev Academy, ordination as a monk, teaching and receiving high church officials, work on the statute of Lithuanian and the Magdeburg law, moving to the Trinity Sergius Lavra etc. Poems in Slavonic have more in common. Two works in Polish are marked by an innovative approach in the subject interpretation. The analysis of the description of the Ambrose Dubnevych funeral is conducted in the context of intermediality. The part of funeral poems in supplement amplifies the epitaph's theory in the basic course of the Chernihiv poetics of 1749–1750. The poetics and her supplement build integrity, contributing to a better understanding of each other.

Keywords:

epitaph, the description of the funeral, funeral poems, 18th century.

Tytuł w języku polskim:

O zbiorze wierszy funeralnych z roku 1750

Streszczenie / Abstrakt po polsku:

Niniejszy artykuł analizuje wiersze z rękopisów dodanych do poetyki czernichowskiej z roku akademickiego 1749–1750. Utwory zostały napisane z okazji śmierci biskupa Czernichowskiego i Nowgorodzko-Siewierskiego Ambrozjusza Dubniewicza (Ambrosiusa, Ambrożego Dubniewicza). Teksty te nie mają odpowiedników w poetykach i retorykach ukraińskich. Na podstawie analizy pisma można stwierdzić, że w zbiorze zawarte są prace dziesięciu autorów. Każdy z poetów czernichowskich napisał najpierw epitafium (dłuższe niż tradycyjne, a bardziej retoryczne), a po nim – panegiryk-epicedium. Dodatkowo, jeden nieznany autor ułożył opis pogrzebu (trzy pierwsze utwory zostały napisane jednym charakterem pisma), a jeszcze inny student dodał tzw. „wiersz kwadratowy" (*versus quadratus*).

Dziewiętnaście wierszy szkolnych posiada pewne cechy wyróżniające (odmienne) oraz pewne cechy wspólne. Teksty różnią się wielkością (od 5 do 182 wersów), formą (4 odmiany akrostychów, obecność lub nieobecność chronostychów etc.), stopniem retoryczności i poetyczności (poetyckości). Cechy stylowe epitafium a epicedium nie są zawsze jasne, jednak w epitafium podaje się przeważnie biografię zmarłego a w epicedium koncentruje się na wysławianiu cnót bohatera. Twórcy epicedium mieli za zadanie "pokazać obraz" Ambrozjusza Dubniewicza, więc zaprezentowali materiał w formie „ordo naturalis", opisując życie zmarłego od urodzenia z szanowanych rodziców aż do śmierci w Głuchowiu w czasie wyborów hetmana. Najważniejszymi etapami drogi życiowej bohatera są: studia w Akademii Kijowskiej, święcenia (wyświęcenie) na mnicha, nauczanie i podejmowanie wysokich stanowisk kościelnych, praca nad statutem prawa magdeburskiego i litewskiego, przeniesienie się do Ławry Troicko-Siergiejewskiej etc. Utwory w języku słowiańskim mają więcej wspólnego między sobą, utwory w języku polskim demonstrują innowacyjne podejście w interpretacji tematu. Opis pogrzebu jest analizowany w kontekście intermedialności. Część wierszy funeralnych z dodatku uzupełnia teorię epitafiów w podstawowym kursie poetyki czernichowskiej z roku akademickiego 1749/1750. Poetyka i dodatek do niej stanowią komplementarną całość, przyczyniając się do lepszego zrozumienia obydwu części.

Słowa-klucze

epitafium, opis pogrzebu, wiersze funeralne, XVIII wiek.

Bibliography transliterated into Latin version

Andrušenko M., *Parnas vìršotvornij: Kiêvo-Mogilâns'ka akademìâ ta ukraïns'kij lìteraturnij proces XVIII st.,* Ukraïns'ka kniga, Kiïv 1999, ss. 208.
Gasparov M., *Očerk istorii evropejskogo stiha*, Nauka, Moskva 1989, ss. 302.
Dovgalevs'kij M., *Poetika ("Sad poetičnij"),* V.P. Maslûk (per. ì prim.), Mistectvo, Kiïv 1973, ss. 436.
Maslûk V.P., *Latinomovnì poetiki ì ritoriki XVII – peršoï polovini XVIII st. ì ìh rol' u rozvitku teorìï na Ukraïnì,* Naukova dumka, Kiïv 1983, ss. 234.
***Černigovskaâ** poètika 1749–1750 učebnogo goda*, rukopis' hranitsâ v Nacional'noj biblioteke Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo, Institut rukopisi, fond 1, № 6528, ss. 360.
***Janua** oratoriae facultatis neoathletis in litteraria acie certantibus...*, rukopis' hranitsâ v Nacionalnoj biblioteke Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo, Institut rukopisi, šifr 332/p94, f. 1, 91-281.

Bibliography in Cyrylic version

Андрущенко М., *Парнас віршотворний: Києво-Могилянська академія та український літературний процес XVIII ст.*, Українська книга, Київ 1999, сс. 208.
Гаспаров М.Л., *Очерк истории европейского стиха,* Наука, Москва 1989, сс. 302.
Довгалевський М., *Поетика («Сад поетичний»),* В. П. Маслюк (пер. і прим.), Мистецтво, Київ 1973, сс. 436.
Маслюк В.П., *Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. і їх роль у розвитку теорії літератури на Україні,* Наукова думка, Київ 1983, сс. 234.
***Черниговская** поэтика 1749-1750 учебного года*, рукопись хранится в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского, Институт рукописи, фонд 1, № 6528, сс. 360.
***Janua** oratoriae facultatis neoathletis in litteraria acie certantibus...*, рукопись хранится в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского, Институт рукописи, шифр 332/п94, л.1, 91-281.

Information about the Author in English:

Ol'ga Ciganok [Olga Cyganok, Olga Tsyganok] (Olga Mykhaylivna Tsyhanok), C.Sci. [Ph.D.] (1994), Associate Professor of the Modern Foreign Languages Department at the Kyiv National University of Trade and Economics. Study subjects: Latin Language, History of Foreign Literature. She graduated from Lviv Ivan Franko State University (1989) and completed postgraduate studies at the Taras Shevchenko Institute of Literature at the National Academy of Sciences of Ukraine (1994) and studies for post-doctoral research at the Kyiv National Taras Shevchenko University (2014). Monographs: *History of Latin Literary Influences in Ukrainian Writing XVI–XVIII Centuries* (Kyiv, 1999), *Genologic Concepts of Funeral Literature in Ukraine of the 17th and 18th Centuries: Main Research Areas* (Kyiv, 2011), *Funeral Writing in Ukrainian Poetics and Rhetorics of the 17th and 18th Centuries: Theory and Examples* (Vinnitsa 2014). E-mail: olzyg @] ukr.net

Informacja o autorce po polsku / Information about the Author in Polish:

Olga Ciganok (Olga Mychajliwna Cyganok) [Ol'ga Ciganok], C.Sci. [Ph.D.] (1994), docentka Katedry Języków Obcych Nowożytnych w Kijowskim Narodowym Uniwersytecie Handlu i

Ekonomii. Jest profesorką dyscyplin: język łaciński, historia literatury obcej. Ukończyła Państwowy Uniwersytet we Lwowie imienia Iwana Franki (Lwów, 1989), aspiranturę (studia podyplomowe) w Instytucie Literatury imienia Tarasa Szewczenki Narodowej Akademii Nauk Ukrainy (Kijów, 1994), studia doktoranckie w Narodowym Uniwersytecie Kijowskim im Tarasa Szewczenki (Kijów, 2014). Monografie: *Historia łacińskich wpływów literackich w piśmiennictwie ukraińskim wieków XVI-XVIII* (Kijów, 1999), *Koncepcje genologiczne piśmiennictwa funeralnego na Ukrainie wieków XVII-XVIII: główne obszary badawcze* (Kijów, 2011), *Piśmiennictwo funeralne w poetykach i retorykach ukraińskich wieków XVII-XVIII: teoria i modele* (Winnica 2014). E-mail: olzyg[at]ukr.net

Informace o autorce v češtině / Information about the Author in Czech:

Olga Cyganok (Olga Michailovna Cyganok), C.Sci. [Ph.D.] (1994), docentka na katedře cizích a současných jazyků v Kyjevské národní univerzitě obchodu a ekonomie. Je profesorkou pro obory latina a dějiny cizích literatur. Vystudovala Státní univerzitu Ivana Franka ve Lvově (Lvov, 1989), ukončila aspiranturu v Ústavu literatury Tarase Ševčenka Národní akademie věd (Kyjev, 1994), doktorská studia v Národní univerzitě Tarase Ševčenka v Kyjevě (Kyjev, 2014). Monografie *Dějiny latinských literárních vlivů v ukrajinském písemnictví 16. – 18. století* (Kyjev, 1999), *Genologické koncepce funerálního písemnictví na Ukrajině v 17. – 18. století: hlavní výzkumné sféry* (Kyjev, 2011), *Funerální písemnictví v ukrajinských poetikách a rétorikách 17. – 18. století: teorie a modely* (Vinnice [Vynnycja], 2014). E-mail: olzyg[at]ukr.net

[Český překlad: Libor Martinek]

Informácie o autorke v slovenčine / Information about the Author in Slovak:

Olga Cyganok (Olga Michailovna Cyganok), C.Sci. [Ph.D.] (1994), docentka na Katedre súčasných cudzích jazykov Kyjevskej národnej univerzity obchodu a ekonómie. Študijné predmety: latinský jazyk a dejiny cudzích literatúr. Vyštudovala Štátnu univerzitu Ivana Franka v Ľvove (Ľvov, 1989), ukončila ašpirantúru v Ústave literatúry Tarasa Ševčenka Národnej akadémie vied (Kyjev, 1994), habilitačné štúdiá/doktorské štúdia na Národnej univerzite Tarasa Ševčenka v Kyjeve (Kyjev, 2014). Monografie: *Dejiny latinských literárnych vplyvov v ukrajinskom písomníctve 16. – 18. storočia* (Kyjev, 1999), *Genologické koncepcie funerálneho písomníctva na Ukrajine v 17. – 18. storočí: hlavné výskumné sféry* (Kyjev, 2011), *Funerálne písomnictvo v ukrajinských poetikách a rétorikách 17. – 18. storočia: teórie a modely* (Vinnycia, [Vinica] 2014). E-mail: olzyg@ukr.net

[Slovenský preklad: Ivica Hajdučeková]

Информация об авторе по-русски / Справка об авторе на русском языке/ Information about the Author in Russian:

Ольга Цыганок (Ольга Михайловна Цыганок), кандидат филологических наук (1994), доцент кафедры современных иностранных языков, Киевский национальный торгово-экономический университет. Учебные дисциплины: латинский язык, история зарубежной литературы. Окончила Львовский государственный университет имени Ивана Франко (Львов, 1989), аспирантуру при Институте литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины (Киев, 1994), докторантуру Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Киев, 2014). Монографии: *Из истории латинских литературных влияний в украинской литературе XVI-XVIII вв.* (Киев 1999), *Генологические концепции фунеральной литературы в Украине XVII–XVIII вв.: основные направления исследований* (Киев 2011), *Фунеральная литература в украинских поэтиках і риториках XVII–XVIII вв.: теория и образцы* (Винница 2014). E-mail: olzyg[at]ukr.net

Інформація про автора / Довідка про автора українською мовою / Information about the Author in Ukrainian:

Ольга Циганюк (Ольга Михайлівна Циганюк), кандидат філологічних наук (1994), доцент кафедри сучасних іноземних мов, Київський національний торговельно-економічний університет. Навчальні дисципліни: латинська мова, історія зарубіжної літератури. Закінчила Львівський державний університет імені Івана Франка (Львів, 1989), аспірантуру при Інституті літератури ім. Т. Г. Шевченка Національної Академії Наук України (Київ, 1994), докторантуру Київського національного університету імені Тараса Шевченка (Київ, 2014). Монографії: *З історії латинських літературних впливів в українському письменстві XVI–XVIII ст. (*Київ 1999), *Генологічні концепції фунерального письменства в Україні XVII–XVIII ст.: основні напрямки досліджень* (Київ 2011), *Фунеральне письменство в українських поетиках і риториках XVII–XVIII ст.: теорія та взірці* (Вінниця 2014). E-mail: olzyg[at]ukr.net

Звесткі пра аўтараў па-беларуску / Information about the Author in Belarusian:

Вольга Цыганюк (Вольга Міхайлаўна Цыганюк), кандыдат філалагічных навук (1994), дацэнт кафедры сучасных замежных моў Кіеўскага нацыянальнага гандлёва-эканамічнага ўніверсітэта. Выкладае дысцыпліны: лацінская мова, гісторыя замежнай літаратуры. Скончыла Львоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Івана Франко (Львоў, 1989), аспірантуру пры Інстытуце літаратуры імя Тараса Шаўчэнкі НАН Украіны (Кіеў, 1994), дактарантуру Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі (Кіеў, 2014). Манаграфіі: *З гісторыі лацінскіх уплываў ва украінскай літаратуры XVI — XVIII стст.* (Кіеў, 1999), *Генеалагічныя канцэпцыі фунеральнай літаратуры на Украіне XVII — XVIII стст.: асноўныя напрамкі даследаванняў* (Кіеў, 2011), *Фунеральная літаратура ва ўкраінскіх паэтыках і рыторыках XVII — XVIII стст.: тэорыя і мадэлі* (Вінніца, 2014). E-mail: olzyg[at]ukr.net

[Тлумачэнне на беларускую мову: Olga Pańkowa, Wiktoria Gołosiewicz]